

Цао Е проснулся на следующий день после обеда.

Шторы в трейлере были задёрнуты. Дождь уже закончился, и после дождливой ночи наступило ясное утро. Солнечные лучи пробивались сквозь щели в шторах, создавая на полу причудливую мозаику света и тени.

Открыв глаза, он не сразу понял, где находится. Это был не его дом и не «Иньсы». С трудом прогнав остатки сна, он вспомнил, что находится в трейлере Лян Сычжэ.

Вчера он хотел всего лишь немного вздремнуть, а проспал так долго... Он уже давно не спал настолько крепко. Обычно без фильма, который он включал перед сном в качестве снотворного, он не мог уснуть, а вчера, прислонившись к дивану, он смог заснуть всего за пару минут. Это было просто невероятно.

Его укрывал мягкий плед, от которого исходил знакомый запах. Это был тот самый едва уловимый аромат, который он почувствовал в машине в прошлый раз: лёгкий запах табака, смешанный с древесными нотками парфюма.

Он выпрямился. Рука, на которой он лежал, занемела. Он потёр её, откинулся на спинку дивана и только тогда заметил, что на другом конце дивана кто-то сидит. Лян Сычжэ тоже спал на диване, откинув голову на подушку и повернувшись в его сторону. Цао Е задержал на нём взгляд чуть дольше, чем следовало, и перед его глазами возник образ восемнадцатилетнего юноши.

Если быть честным, нынешний Лян Сычжэ привлекал к себе больше внимания. Как бы человек ни старался скрывать свои чувства, успех и разочарование всё равно невольно отражаются на его лице. Если раньше Лян Сычжэ был молчаливым и острым, как клинок, то теперь он казался дерзким и своевольным, по крайней мере, таким его представляли СМИ.

Молодой актёр, добившийся успеха в юном возрасте и с тех пор неизменно находящийся на пике популярности, просто обязан быть дерзким и своевольным — так, по крайней мере, думали все. И Лян Сычжэ, похоже, не возражал против такого образа: драка с журналистом на глазах у публики, лишь одна фраза в качестве благодарственной речи на церемонии награждения в Каннах, отказ от всех ролей и двухлетний перерыв в карьере ради режиссуры...

Все его поступки были до крайности импульсивными, и СМИ даже не нужно было ничего приукрашивать — образ дерзкого и своевольного человека сам собой укреплялся за ним с каждым днём.

«И как ему это удалось?.. Как он за все эти годы смог превратить свою жизнь в загадку? — подумал Цао Е. — В этом мире, где невозможно скрыть ни одного секрета, он умудряется хранить столько тайн... Неужели ему не тяжело? Не одиноко?»

С утра его разум был на удивление ясным. Пока Цао Е размышлял, Лян Сычжэ тоже проснулся. Его ресницы дрогнули, словно тонкие крылья цикады, совсем как в юности. Цао Е отвел взгляд и, повернув голову, размял шею. Он много лет не спал, уткнувшись лицом в подушку, и когда онемение прошло, он почувствовал, что его шея затекла.

— Доброе утро, — сказал Лян Сычжэ, открыв глаза.

Его голос был слегка хриплым и звучал довольно сексуально.

«У него приятный голос», — мелькнула мысль у Цао Е.

Лян Сычжэ повернулся к нему и лениво усмехнулся:

— У тебя опять что-то затекло?

«Это действительно звучит сексуально. Раньше я этого не замечал... Хотя, возможно, раньше я просто не знал, что такое сексуальность».

— Уже не утро. — Цао Е отогнал глупые мысли и, показав Лян Сычжэ на своё запястье, сказал:
— Уже день.

Он просто хотел показать время, но Лян Сычжэ взял его за руку, поднёс к лицу и внимательно посмотрел на часы:

— Да, уже не утро.

Цао Е отдернул руку. Другой рукой он повернул циферблат своих часов. Место, за которое его держал Лян Сычжэ, горело, и это ощущение не проходило ещё долго.

— Пойдёшь на вечеринку по случаю окончания съёмок? — спросил Лян Сычжэ, откинувшись на спинку дивана.

— Не знаю, посмотрим, — ответил Цао Е, вставая с дивана, и потянулся, разминая мышцы.

Сквозь одежду были видны красивые очертания лопаток и спины. Лян Сычжэ отвел взгляд:

— Скажи точно. Если ты не пойдёшь, я тоже не пойду.

Цао Е посмотрел на него:

— Вечеринку устраивают в твою честь, как ты можешь не пойти? Это же невежливо... Ты что, пытаешься меня шантажировать, Лян Сычжэ? — Он понимал, что, если Лян Сычжэ не пойдёт, Сюй Аньцяо снова придёт к нему и будет умолять его уговорить Лян Сычжэ.

— Ты меня раскусил, — улыбнулся Лян Сычжэ. — Мне нужен кто-то, кто будет пить вместо меня... Видишь, мне сделали укол от алкоголизма. Даже след от укола остался. — Он поднял сжатую в кулак руку и показал Цао Е тыльную сторону ладони. Другой рукой он указал на место укола. — Видишь?

Цао Е наклонился и внимательно посмотрел на руку, а затем, выпрямившись, взглянул на его лицо:

— Это родинка. Ты можешь обмануть Линь Яня, но меня не обманешь. — Он знал, что на левой руке Лян Сычжэ есть крошечная, с игольное ушко, родинка, похожая на след от укола. Он случайно заметил её, когда Лян Сычжэ играл на скрипке.

— Ты ещё помнишь... — улыбнулся Лян Сычжэ.

После того, как Лян Сычжэ вышел из душа, Цао Е, немного поколебавшись, тоже пошёл в ванную. Он хотел сразу уехать домой, но если бы после сна он не принял душ, то чувствовал бы себя некомфортно. Он был довольно привередлив в вопросах личной гигиены.

К тому же, проспав здесь несколько часов, он чувствовал себя отдохнувшим. Возможно, потому, что он давно не спал так крепко, даже во время душа, несмотря на тесную кабинку и слабый напор воды, он пребывал в хорошем настроении.

Вытершись полотенцем, он взял приготовленную Лян Сычжэ одежду: серую хлопковую футболку, чёрные брюки и нижнее бельё.

— Всё новое, неношеное, — сказал Лян Сычжэ, протягивая ему вещи.

Во времена «Иньсы» они часто менялись одеждой, но нижним бельём — никогда. Надевая трусы, Цао Е вспомнил вопрос, который он задал Линь Хуань больше месяца назад: «Кто из нас лучше, я или Лян Сычжэ?» И её ответ: «Всё-таки Лян Сычжэ немного лучше».

«Чёрт, стоп, стоп, стоп! Почему я опять об этом думаю?»

«Не может быть? Размер идеально подходит...» — Цао Е посмотрел на чёрные трусы. Они словно были куплены специально для него.

«Может, дело в технике? Тц, я всё ещё об этом думаю... Похоже, мне сложно забыть её слова».

«Линь Хуань действительно спала с Лян Сычжэ? Когда они были вместе, Лян Сычжэ ещё не получил награду в Каннах. Неужели пять лет назад он был лучше меня? Не может быть... В то время у него, наверное, было всего несколько девушек?»

«Стоп, хватит об этом думать» — Цао Е прервал свои размышления, оделся и вышел из ванной.

Лян Сычжэ уже сидел за столом и завтракал. Шторы были раздвинуты, и яркое солнце, выглянувшее после дождя, заливало салон трейлера тёплым светом. Сун Цинъянь сидела рядом с Лян Сычжэ и обсуждала с ним дальнейшие планы. Цао Е подошёл к столу и сел перед нетронутым контейнером с едой. Садясь, он подумал, что ведёт себя как дома. Вчера он говорил, что приехал всего лишь проконтролировать съёмки, а в итоге поспал, принял душ и теперь собирался поесть. Но он так проголодался, что не мог думать ни о чём, кроме еды, и ему было не до ложной скромности.

Лян Сычжэ посмотрел на него и, окинув взглядом, сказал:

— В самый раз. Я про одежду.

— Нормально, — ответил Цао Е. — Только проснулся, а уже обсуждаешь планы? Так спешишь?

— Сычжэ-гэ пропадает сразу после окончания съёмок, поэтому нужно всё обсудить сейчас, — объяснила Сун Цинъянь.

— Ты же всё равно собираешься в отпуск. — Лян Сычжэ отпил кофе и спросил её. — Рада?

— Какой отпуск? — скривилась Сун Цинъянь. — Как только я вернусь в компанию, Юньчу-цзе сразу же даст мне другое задание. Лучше бы я осталась с тобой...

Лян Сычжэ улыбнулся, и Сун Циньянь продолжила обсуждать с ним планы на вторую половину года:

— Режиссёр Линь Минь в ноябре планирует начать съёмки фильма. Это лёгкая романтическая комедия. Хочешь взглянуть на сценарий?

Прежде, чем Лян Сычжэ успел что-либо ответить, Цао Е сказал:

— Нет.

Лян Сычжэ поднял на него глаза и приподнял бровь:

— Почему?

— Линь Минь обращался ко мне за инвестициями для этого фильма, я видел описание его проекта. Честно говоря, довольно посредственно.

— Подробнее, — сказал Лян Сычжэ, глядя на него.

— Моя оценка проектов — платная услуга, — пошутил Цао Е, но всё же пояснил: — Чтобы лёгкая романтическая комедия была успешной, нужно тщательно проработать комедийные детали, шутки должны быть лёгкими и уместными. Но Линь Минь — человек старомодный, ему больше подходит серьёзное кино. В таком жанре он будет выглядеть скованно и неуклюже, раскроет свои слабые стороны. К тому же, говорят, он выбрал этот жанр только в угоду рыночному спросу.

— Хм, — кивнул Лян Сычжэ. — Тогда не будем это рассматривать.

— Хорошо... — ответила Сун Циньянь и, прежде чем сделать пометку, осторожно спросила, — даже сценарий не посмотришь?

— Нет, — ответил Лян Сычжэ.

— Ты так сильно мне доверяешь? — Цао Е улыбнулся, глядя на него. — А вдруг я тебя обманываю?

— Ну и пусть. — Лян Сычжэ посмотрел на него. — Всего-то одним «Лучшим актёром» будет меньше.

Цао Е опешил.

— Шучу. — Лян Сычжэ тут же улыбнулся. — Я согласен с твоей оценкой Линь Миня. Если бы я сам принимал решение, я бы тоже отказался.

«Конечно, Лян Сычжэ уже много лет в киноиндустрии и знает стиль каждого режиссёра не хуже меня, — подумал Цао Е. — Он говорит, что прислушивается к моему мнению, но, скорее всего, уже давно сам всё решил. Но как красиво было сказано: «Всего-то одним «Лучшим актёром» меньше будет». За эти годы Лян Сычжэ превратился в настоящего демона, способного околдовывать сердца людей».

Позавтракав, Цао Е встал, чтобы уйти. Выйдя из трейлера, он огляделся. На пригородной парковке стояло всего несколько машин. Остальные трейлеры, арендованные съёмочной группой, уже уехали.

Лян Сычжэ тоже вышел из машины. Цао Е обернулся и, зная, что тот не собирался его провожать, всё же пошутил:

— Не провожай, всё равно скоро увидимся на вечеринке.

— Я вышел размяться, — ответил Лян Сычжэ, посмотрев на небо и прищурившись от солнца. Его голос звучал лениво. — Такое хорошее солнце, грех не погреться.

— Ладно, грейся. Увидимся, — сказал Цао Е и пошёл к своей машине. После сна он чувствовал себя бодрым и не хотел вызывать водителя. Прокатиться с ветерком в такую погоду — одно удовольствие. Солнце и ветер были идеальными.

Цао Е сел в машину, пристегнул ремень безопасности и завёл двигатель. Лян Сычжэ всё ещё стоял на месте. Судя по его движениям, он достал из пачки сигарету, но не закуривал, а просто держал её в руке.

Цао Е подъехал к нему и, опустив стекло, спросил:

— Снова куришь?

— Я не собирался курить, — ответил Лян Сычжэ, держа сигарету в руке. — Просто достал её погреться на солнышке.

Цао Е посмотрел на него:

— Зажигалки нет?

Лян Сычжэ улыбнулся:

— Почему ты такой догадливый?..

Цао Е откинулся на сиденье, открыл бардачок, достал зажигалку и протянул её в окно. Лян

Сычжэ наклонился, опершись локтем на край окна, и поднёс сигарету к огню.

У него было лицо, которое хотелось рассматривать. Изыщные черты, скрытые в юности, с годами становились всё более выразительными и впечатляющими.

Внезапно Цао Е вспомнил постер к фильму «Красный мужчина, красная женщина». В полумраке длинноволосый Лян Сычжэ, в просторном мужском пиджаке и с ярким макияжем, стоял, скрестив руки на груди и облокотившись на барную стойку, и курил сигарету. Обнаженные бедра, выглядывающие из под пиджака, будоражили воображение.

Фильм Цао Е не смотрел, но этот постер, вызвавший в своё время много споров, врезался ему в память.

«Он чем-то похож на Линь Хуань, — мелькнула мысль у Цао Е. — Вот почему она сразу показалась мне знакомой. Я тогда подумал, что это судьба, и даже попытался с ней заговорить. Но я и не думал о Лян Сычжэ. Все эти годы я старался не думать о нём, потому что мысли о нём почему-то вызывали у меня раздражение».

«Но Лян Сычжэ на том постере был красивее, чем Линь Хуань». Эта мысль казалась ему абсурдной. Мужчина, изображающий женщину, должен выглядеть странно, но на постере Лян Сычжэ был просто красив, и никакое другое слово не могло бы описать его точнее. Это была андрогинная красота, сочетающая в себе мужское и женское начало, необычная, завораживающая и даже немного эротичная.

В то время Лян Сычжэ был ещё довольно хрупким, не таким широкоплечим, как сейчас. В нём было что-то юношеское и одновременно взрослое, что идеально подходило для роли трансвестита Ли Няня. И этот фильм на такую необычную тему стал известен всем, конечно, во многом благодаря Лян Сычжэ.

Сигарета зажглась. Цао Е убрал зажигалку и достал сигарету для себя.

Лян Сычжэ выпрямился, затянулся и, выпустив дым, посмотрел на Цао Е:

— Не подвезёшь?

— Куда?

— Всё равно, — безразлично ответил Лян Сычжэ. — К Юньчу, в Luomeng или куда ты хочешь.

— Тогда садись, — сказал Цао Е.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130269>